

КАТАРИНА БЁРД

ПАДАЛЬЩИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Катарина Бёрд

Падалыщик

<https://litres.ru/74603022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Костоброд — город, который стоит на костях, гниёт и пахнет так, что святая вода шипит. Здесь бесы живут в печах, борделях и подвалах, а Клим Хрящ зарабатывает тем, что ловит их и продаёт. Он не герой, не святой и давно не экзорцист. Просто падалыщик с флягой святой воды, могильным табаком и бесом-стукачом Мокрицей на плече.

Но однажды обычный заказ приводит его в канализацию, где Клим находит Око Тлена — осколок древнего бога, который спит под городом и видит слишком много. Теперь за падалыщиком охотятся Чистильщики, скупщики, Крысолов и собственная мёртвая рука. А чтобы выжить, ему придётся собрать самую странную армию Костоброда: воров, бесов, проституток, могильщика и одну очень усталую чистильщицу.

Мрачное, грязное и очень смешное тёмное фэнтези о долгах, вонючках и падали, которая не кончается. Первая книга цикла «Падалыщик».

Содержание

Глава 1. Фляга, блевота и одиндохлый бес	4
Глава 2. Клиент всегда мразь	16
Глава 3. Бес с маникюром	30
Глава 4. Чистильщики	41
Глава 5. Контракт на говно	54
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Катарина Бёрд

Падальщик

Глава 1. Фляга, блевота и одиндохлый бес

Бордель «Сладкая щель» пах дешёвой смазкой, нестираным бельём и тем, что хозяйка называла «репутацией». Клим поднялся на второй этаж, встал в коридоре и пытался понять, сколько в этой вони репутации, а сколько — от Прыща.

Прыщ был вонючкой, как и все бесы. Маленький, с кошку размером. Не злой, но очень голодный. Третью неделю он откусывал пальцы на ногах клиентов «Щели». По одному, ночью, пока те спали в стельку пьяные. Утром клиенты просыпались, обнаруживали отсутствие пальца и ссылались на то, что оставили его в баре. Хозяйка потеряла уже четыре постоянных клиента и как раз ту самую репутацию.

— Шеф, — голос шёл изза плеча, словно дёргано. — Он за дверью, сука, чавкает. Слышу прямо. У него там чтото во рту, он чтото жуёт.

— Что?

— Палец! Он опять откусил чейто палец. Не удивлюсь,

если вчерашний. Они тут жрут по расписанию, как в монастыре.

Мокрица сидела у Клима на плече, цепляясь шестью лапками за кожаный плащ. Двадцать сантиметров мерзости, серое, вонючее существо. На такое смотреть без брезгливости невозможно, не то что держать на плече, как ручного попугая. Глаза, как две чёрные бусины, выглядели как дырки в том, что сложно было назвать мордой. Пахла она носками. И вовсе не новыми, а такими, словно сняли с покойника, который успел в них разложиться.

— Помолчи.

— Я молчу, шеф. Просто пока ты мысли гоняешь, как яйца в штанах, он доедает человека.

— Он доедает палец.

— С пальцев всё и начинается.

Клим глубоко вздохнул и отстегнул флягу от пояса. Фляга была медная, с вмятинами от ударов. Внутри плескалась смесь, которую он варил сам из святой воды, соли и немного мочи. Моча была для связки. Он когда-то спрашивал у алхимика, зачем она нужна в составе, тот нормально не смог ответить, сказал, что без неё не работает. Клим не стал выяснять, почему: в его деле лучше не лезть в то, что хорошо работает.

Он открыл дверь плечом.

В комнате, колыхаясь, горела одна свеча, заставляя тени танцевать. На кровати, раскинувшись звездой, спал пьяный

жирный мужик. Поверх него лежало одеяло, так что его живот казался огромной кучей. Изпод одеяла торчали голова и конечности. Лицо было лет пятидесяти, уставшее, с противными усами и кудрявой причёской с проплешинами. Клим осмотрел мужика со стороны и обратил внимание, что на правой ноге не было мизинца, а на левой — безымянного.

Клим опустил на колено, приподнял свисающее с края одеяло и заглянул под кровать.

Прыщ сидел там и жевал тот самый палец — один из тех, которых не хватало у мужика. Он увидел Клима и замер.

— Ну, здравствуй, пиздюк, — сказал Клим.

Прыщ проглотил палец и от испуга завизжал, бросился в угол. Клим открутил крышку на фляге и плеснул, не целясь. Хватило. Святая вода попала в бок, зашипела, и бес замер на месте, как будто его облили цементом. Парализованный, с вытаращенными глазами, он мелко дрожал и пах хуже, чем обычно, потому что вонючки пахнут хуже всего, когда им страшно.

— Живой? — спросила Мокрица.

— Живой. Минуты на две.

— А чего он блестит так?

— Потому что ему сейчас станет хреново.

У Прыща пошла слюна, он попытался её втянуть, но поперхнулся и начал икать. Икота вызвала рвоту, и он блеванул. На досках, среди жёлтой слизи, лежал аккуратный, ещё розовый мужской мизинец. С волосками.

Клим посмотрел на палец. Палец смотрел на Клима.

— Это уже третий за ночь, мать твою, — заметила Мокрица. — Если считать с тем, что мы нашли в коридоре.

— Разве? — возразил Клим. — Мы же ничего не нашли.

— Ну, я нашла. Ты ж под ноги не смотришь.

Клим достал из сумки стеклянную банку с крышкой, ловко соскрёб Прыща и крепко закрыл банку. Бес тихо булькнул. Банка была тёплой и влажной, словно в неё вотвот нассали. Клим сунул её обратно в сумку, пнул мизинец, который валялся на полу, поближе к кровати и тихо сказал:

— Вставай, хуй моржовый, сказка кончилась.

Мужик на кровати хрюкнул. Одеяло сползло, обнажая его жирный живот. Мужик открыл глаза. Огляделся. Увидел Клима на корточках у своей постели, плащ, вонь, шрам над бровью.

— Ты кто?

— Санитарная служба.

— Что хуйню морозишь. Вали отсюда.

— Вы тут палец потеряли. Вот он. — Клим ткнул указательным пальцем в его сторону. — Вам бы его поднять и помыть, а то грязный.

Мужик с трудом свесился с кровати, посмотрел, побледнел до цвета подштанников, открыл рот, чтобы заорать, и не смог. Вместо крика вышел тонкий звук, будто кто-то наступил ему на горло.

— Это что, мой?

— Думаю, да. Пришивать будете или на шею, на верёвочку повесите?

— Он был у тебя в... Он был в твоём кармане?

— Нет. В бесе. В остальном — нормальный палец. Вымойте только.

Мужик закатил глаза и с грохотом рухнул обратно. От его падения на секунду показалось, что всё вокруг завибрировало. Мокрица тихо хихикнула.

— Это пиздец как грубо.

— Это сервис.

Хозяйка борделя была тучной женщиной по имени Пышка. Она принимала клиентов где-то в подсобке, как будто пряталась и пыталась сохранить свою репутацию, которой совсем не было. Весь город знал её: кто она и чем занимается. Она сидела на бочке, держала на коленях учётную книгу, на которой сидела кошка. Клим зашёл к ней, чтобы получить оплату за пойманного беса. Кошка смотрела на Клима таким же взглядом, что и хозяйка.

— Поймал? — спросила Пышка, не поднимая головы.

— Поймал.

— Отлично. Сколько с меня?

— Двенадцать монет.

— Даю две, не более того.

— Двенадцать. Он у тебя три недели ел клиентов. Один клиент уже подал в суд.

— На меня?

— На жизнь вообще. Но заодно и на тебя.

Пышка вздохнула, как торговка, которую поймали на недовесе. Достала кошель и приступила считать деньги. Она считала их медленно, словно с каждой прощалась лично.

— Десять. И чтоб ты мне, сука, лестницу вымыл. Там твоя блевота.

— Это не моя.

— А чья? Беса? Хуй там плавал. Ты мне ещё скажи, что у него совесть есть.

— У него нет. У меня тоже. Одиннадцать.

— Десять с половиной, и кошку забери, ссыт, паскуда, по углам. Заебала уже меня.

Клим посмотрел на кошку, приподняв один глаз. Подумал и согласился на десять.

— Только не говори, что ты на мне экономишь, — шепнула Мокрица, когда они вышли в коридор. — Двенадцать же было. Я сама слышала.

— Слышала она. Пышка мне кошку предлагала. Зачем она нам нужна?

— Надо было брать, скормили бы Жруну.

— Мне деньги нужны. У меня долги. Надо закрывать.

Долгов у Клима было немного, но они тяготили посвоему. Первый был перед хозяином комнаты, которую он давненько снимал. Второй — перед аптекарем, который продаёт ему соль. Третий — он не помнит имени, но помнит, что должен. И четвёртый — он должен сам себе. Долг самому себе был

самым большим и самым безнадёжным. Тридцать четыре года жизни, и всё впустую. Десять лет учился в экзорцистской школе, из которой его вышвырнули за то, что он не уничтожил беса, а дал в аренду скупщику за приятную сумму. Бес был хороший, да и платили за него исправно. Школа сочла это неэтичным.

На первом этаже пахло лучше и было чище, чем на втором. Наверно, потому, что тут только пили. В зале сидели трое: два лысых мужика в засаленных жилетах и какаято старуха, которая без перерыва грызла сухарь и смотрела в стену. Клим прошёл к стойке, положил на неё пару монет.

— Налей чегонибудь, что горит.

— Всё горит, — равнодушно сказал бармен. — Тебе какое?

— Давай то, что покрепче.

Бармен достал изпод стола какуюто стеклянную зелёную бутылку без этикетки. Жидкость пахла бензином и обидой. Клим опрокинул стакан залпом в одно движение, поморщился, занюхал рукав своего плаща, закашлялся, и с плеча тут же послышалось ехидное:

— Красота, блядь. Организм благодарит.

— Организм молчит.

— Организм в шоке, что ты эту бормотуху в себя залил.

Клим достал из внутреннего кармана свёрток и бумагу. Разложил свёрток — в нём был табак. Он закрутил самокрутку и поднёс её к губам, достал огниво и закурил. Табак

был могильный. Он рос на кладбище, и его никто не продавал, поэтому Клим сам ходил и собирал. Самокрутка долго не хотела прикуриваться, трещала, как костёр. Когда она разгорелась, потянулся тоненький голубенький дымок со сладким привкусом.

Он докуривал, когда дверь борделя открылась.

Вошедший не был похож на посетителя. Он был похож на того, кто случайно ошибся дверью и попал совсем в другую жизнь. Высокий, худой, в длинном плаще цвета свежего снега. Ни пятнышка, ни складки. Ботинки блестели так, будто он только что вынул их из витрины. На улице в Костоброде шёл мелкий грязный дождь, но на плаще не было ни капли.

Бармен перестал протирать стакан. Старуха перестала грызть сухарь.

— Господа, я ищу мистера Хряща, — сказал вошедший мягким голосом. Он обвёл взглядом зал. Остановился на Климе. — Это вы?

— Нет такого, — сказал Клим.

— Мне говорили, что есть.

— Мало ли что говорят. У нас тут и бесы говорят.

— Именно о них я и хотел поговорить.

Клим молчал. Мокрица на плече тихо подобралась, лапки впились в кожу.

— Клим, — прошептала она так тихо, что слышал только он, — он не пахнет.

— В смысле?

— Вообще ничем. Ни потом, ни мылом, ни страхом. Даже я так не умею, а я, между прочим, профессионал.

Это было плохо. У всех что-то пахнет. Даже у покойников. Если человек не пахнет ничем, значит, либо он очень хорошо чистится, либо он очень хорошо умеет прятать то, что пахнет.

— Присядь, — сказал Клим, кивнув на табурет.

— Благодарю, но нет. Я ненадолго. И, если позволите, я не буду трогать мебель.

Он говорил это серьёзно. В его взгляде проступала брезгливость, но в то же время — уверенное спокойствие, чтобы не подавать виду. Клим видел, как человек в плаще чуть повёл плечами, отодвигаясь от стойки, чтобы не коснуться её даже рукавом.

— Госпожа, на которую я работаю, имеет для вас предложение, — продолжил тот. — Подробности я не уполномочен сообщать. Она желает встретиться лично. Завтра, на закате, у Седьмого стока.

— У канализации? — переспросил Клим. — Красивое место для свидания.

— Госпожа ценит уединение.

Клим затаился. Дым ушёл вверх тяжёлой голубой лентой.

— Кто она?

— Та, кто платит. Дальнейшего вам знать не стоит.

— Знаешь, мне обычно нужно имя, адрес, группа крови

и список врагов.

— Врагов у неё нет, — вежливо сказал тот. — Пока нет.

Мокрица на плече едва слышно пискнула. Клим не пошевелился.

— И что мне за радость туда идти? Очередной пойманный мной бес за гроши.

Человек в плаще достал из внутреннего кармана маленький кошель. Положил на стойку. Не бросил, а именно положил, двумя пальцами, будто боялся, что тот испачкается. Кошель звякнул чисто, звонко. Таким звоном звенят только новые монеты.

— Десять монет за сам приход. Вне зависимости от исхода разговора. Остальное обсуждается на месте, непосредственно с госпожой.

— Десять за то, чтобы послушать?

— За то, чтобы прийти.

Клим высыпал монеты на ладонь. Новые. Сияющие. С такой чёткой чеканкой, какой в Костоброде не бывает. Он поднёс одну к зубам, надкусил. Настоящее серебро, не подделка.

— Ахуеть, — тихо сказал он от удивления.

— Простите?

— Я говорю, спасибо.

Человек в плаще слегка поклонился. Не поклон даже, а кивок, точный и бесцветный, как у лакея, которого научили кланяться ровно настолько, чтобы не показаться ни наглым, ни услужливым. Повернулся и пошёл к двери. На по-

роге остановился.

— Господин Хрящ.

— Да... Говори.

— Рекомендую хорошенько вымыться. Госпожа не любит запахов.

Дверь закрылась.

В зале стало тихо. Потом старуха снова захрустела сухарём, бармен вернулся к стакану, а лысые мужики, как по команде, уткнулись в кружки. Словно никто не приходил и ничего не произошло.

Клим сидел, глядя на чистые монеты на ладони. Перебирал каждую, как будто пытался разглядеть в них подвох.

— Клим, — тихо сказала Мокрица.

— Что?

— Нас, кажется, хотят завалить.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но деньги слишком чистые — это нехороший знак. Когда деньги чище тебя, значит, тебя собираются отмыть. Вместе с кровью.

— Приятно слышать, когда держишь их в руках.

— Я для тебя стараюсь. Сам подумай. Зачем им давать тебе деньги за то, что ты просто придёшь к этой долбаной канализации?

— Не нагнетай. Сходим и посмотрим, зачем.

Клим засунул руки в карман, чтобы проверить, нет ли дыр, и убрал туда монеты. Допил оставшиеся капли в стака-

не. На дне плескалось чтото горькое, как совесть, если бы у него была совесть.

Банка в сумке булькнула. Прыщ, очнувшись, обиженно замычал, царапая ногтями по стенкам банки.

— Заткнись, — сказал Клим. — Тебето что. Тебя хоть кормят.

Он оттолкнулся от стойки и пошёл к выходу, оставляя за собой запах могильного табака, мочи и запах старой кожи от плаща. На улице стеной шёл дождь. Грязный, липкий, пахнувший железом и далёкой кровью.

Костоброд жил.

Гдето под ногами, в глубине, в самых корнях города, что-то ворочалось. Клим не знал, что именно. Но уже чувствовал: завтра он не откажется. Деньги есть деньги, и они не пахнут, даже если придётся лезть в канализацию. А любопытство, как любая гниль, начинается с кончиков пальцев.

Конец первой главы.

Глава 2. Клиент всегда мразь

Дворец барона Хрякса, того самого, который за монету задавится, стоял на Мытной горке, там, где Костоброд делал вид, что он приличный город. Мостовая здесь была мощёная, окна — со стёклами, а крысы — упитанные и вежливые. Они даже не бегали, а прогуливались. Было впечатление, что это ручные, выдрессированные крысы, которые выглядели лучше, чем сам Клим. В этой части города, словно была другая жизнь. Не тронутая нищетой, бездомным сбродом и грязью.

Клим проспал четыре часа. Выпил оставшееся с вечера пиво — оно уже выдохлось и было на вкус как ослиная моча, — назвал это завтраком и пошёл к барону Хряксу пешком, потому что извозчики не брали пассажиров, от которых пахло могильным табаком и чужой блевотой. У ворот его встретил лакей в красном камзоле. Лакей оглядел Клима с головы до сапог и отступил на шаг, словно боялся запачкаться взглядом.

— Чёрный ход — налево, — сказал лакей.

— Меня звали в парадный.

— Вас звали, но не просили заходить.

— Бля... — шёпотом протянула Мокрица изза воротника.

— Тут пахнет духами. Я сейчас сдохну. Это не запах, это нападение.

— Терпи.

— Я бес. Я не обязан терпеть, я обязан страдать. Это разные вещи.

Клим пошёл налево.

Барон Хрякс принимал в зале, где всё было слишком. Слишком много позолоты, ковров, портретов самого Хрякса. То он на коне, то в имперской короне, на одном он был с мечом, на другом — с какимто мёртвым оленем, и олень выглядел счастливее, чем сам Хрякс. Эту помпезность Клим не понимал. Все было чистое настолько, что блестело. Клим приходилось зажмуривать глаза от бликов, которые издевая и играли с ним, напоминая, о том кто он.

Сам барон оказался точьвточь как его фамилия. Он был жирный, розовощёкий, с надменным взглядом, а уголки рта будто провалились кудато вниз, нос задран и создавал впечатление не то чтобы носа, а пятака. Голос его был противный, визгливый, и при этом звук словно проваливался в его утробе.

— А, падальщик, — сказал он, не вставая. — Клим, кажется. Вы стойте там. На ковёр не наступайте.

Клим посмотрел под ноги. Ковёр был персидский, а дорожка, на которой он стоял, представляла собой газету, постеленную на полу в форме тропинки. Газет было так мало, что Клим на секунду подумал: «Даже на газете сэкономил».

— Я не заразный, — сказал Клим.

— Я не про заразу. Я про принципы. Садитесь... Нет, не садитесь. Стойте.

— Вы звали по делу.

— Звал. — Хрякс вынул зубочистку, осмотрел её с отвращением и бросил на пол. Лакей на лету мгновенно поймал её. — У меня в погребе завелась дрянь. Вино киснет. Бочки покрываются плесенью. На стенах появляются надписи.

— Какие надписи?

— Неприличные.

— На каком языке?

— На моём. — Барон поморщился. — Вчера мой дворецкий спустился проверить и оступился. Рухнул в бочку с «Золотым Рассветом» двадцатилетней выдержки. Утонул. И бочка пропала, и дворецкий. Я бы заплатил любые деньги, чтобы вернуть бочку.

— А дворецкого?

— Дворецкий нанят на год вперёд. Ему уже всё выплачено.

Иzza воротника донёсся тихий звук, похожий на сдавленный смех. Клим специально кашлянул, что бы заглушить.

— Тридцать монет, — сказал Клим.

— Пятнадцать.

— Тридцать. И не за бочку, за беса.

— Двадцать.

— Двадцать пять, и больше не торгуемся.

— Двадцать две, и если вы поцарапаете хотя бы одну бочку, я вычту стоимость из вашей шкуры. Мои бочки стоят дороже вас, милейший.

— Приятно знать, на каком я месте в списке, — сказал он.

Хрякс махнул рукой, словно отгонял муху, и лакей повёл Клима вниз.

Погреб начинался сразу за кухней. Длинная деревянная лестница, покрытая плесенью, как мехом, уходила в темноту, откуда тянуло сыростью и чемто сладковато-кислым, словно там гнил не виноград, а сама идея праздника. Лакей остановился наверху, протянул Климу лампу и тут же отступил.

— Дальше сами.

— Что, не пойдёте?

— Дворецкий тоже сначала говорил, что ненадолго. По итогу забродил вместе с вином.

Клим спускался медленно по скользкой лестнице, держась за каждую ступень рукой, чтобы не упасть вниз. Мокрица переползла с воротника ему на плечо. Клим заметил, что Мокрица дрожала, хотя раньше такого за ней не наблюдал.

— Шеф. Слышу, — сказала Мокрица. — Двоих. Один бес, мелкий, шуршит гдето справа, у бочек. Но второй...

— Что второй?

— Второй дышит. Почеловечески. Лежит гдето в самом конце, за стеной. И не шевелится почти.

Клим остановился.

— Живой?

— Пока да. Но воняет страхом так, что у меня шерсть дыбом. У меня её нет, но всё равно.

В самом конце погреба сидел какойто мужик, прикован-

ный железными кандалами. Цепь вела кудато в стену и уходила вглубь. Он был очень худой. Настолько, что кандалы не имели значения, он мог спокойно вытащить руку. Рядом стояла миска с водой и тарелка с чемто, что когда-то было хлебом, а теперь можно смело забивать гвозди или разбивать им орехи. Человек еле поднял голову и посмотрел на лампу, не моргая, как мотылёк.

— Пиздец! — под нос пробормотал Клим. — Что тут происходит? Ты кто?

— Лаврентий.

— За что тебя сюда посадили?

— За долг. Я должен барону Хряксу.

— Большой долг?

— Сорок монет.

Клим помолчал. Сорок монет. Столько стоили его сапоги, плюс аренда, плюс то, что он должен аптекарю. Не такая уж сумма, чтобы держать человека на цепи в подвале.

— Давно?

— Месяц. — Человек облизнул губы. — Господин падалыщик... Если бы вы...

— Нет, — сказал Клим.

— Я даже не...

— И не надо. Я тут по другому делу.

Он отвернулся и пошёл прочь. Он повторял про себя, что это не его дело. Он повторял это ещё три раза, пока шёл между бочками, и с каждым разом голос звучал всё хуже. Перед

глазами была эта убогая картина. Не то чтобы она его удивила, он разучился удивляться уже давно, да и когда работаешь с бесами, в городе, где главный бес — это сам город, такие картины кажутся привычными. Но всё же его что-то задело. То ли жалость, то ли совесть брала верх над ним.

— Шеф, — тихо сказала Мокрица.

— Заткнись.

— Да я уже поняла, что эту тему мы не поднимаем. Я не про это. Он сзади. Над нами. Прямо над нами. Слышишь?

Клим поднял голову.

На самой верхней бочке в углу сидел бес.

Он был маленький, размером с ладонь, похожий на сморщенного старика с лысой головой и огромными ушами. Кожа бледнозелёная, как у утопленника. Сидел он потурецки, как пьяный монах, и держал в руках крошечную костяную пилку, которой неторопливо полировал когти на левой руке. Когти были лакированные, тёмнокрасные, под цвет вина.

— О, — сказал бес приятным, почти светским голосом.

— Гости. Я думал, это опять дворецкий. Добро пожаловать в мою обитель!

— Паскудник, — констатировал Клим.

— Господин Паскудник, если вам не трудно. Это вы тут гости, а я тут давно живу, у меня права.

— Какие права?

— Право испортить всё, что мне не нравится, — доброжелательно ответил бес. Он дунул на ногти и расправил паль-

цы веером. — Видите, как сохнет? Это «Бордо». Сам делал. Безупречно красивый цвет.

Вокруг него на бочках бежала плесень — зелёная, пушистая, с лёгким запахом уксуса. Дерево чернело на глазах. В воздухе висела кислая сладость, от которой сводило зубы и кружилась голова.

Клим не тратил слов. Он схватил флягу и плеснул прямо в беса., но тот оказался быстрее, чем он думал. Паскудник сорвался с бочки, как мышь от кота, и святая вода только зашипела на дереве, оставив чёрное пятно.

— Невоспитанный! — взвизгнул в недоумении бес. — Вы что, не видите, что я занят?! Как вы смеете! Вам должно быть стыдно за своё поведение!

Он метнулся по полкам, перебегая с бочки на бочку, оставляя за собой тонкие кислые следы. Клим бросился следом, сапоги скользили на мокрой плесени. Одна бочка не выдержала, обод лопнул, и вино с чавкающим звуком хлынуло на пол.

— Барон нас прибьёт, — сказала Мокрица.

— Барон не узнает.

— Барон узнает. Это ж барон, у них на такое нюх, как у свиней на говно.

Паскудник нырнул поглубже в щель между бочками, чтобы Клим не смог его достать. Клим выругался, достал из сумки щепотку могильной соли, присел и быстро насыпал вокруг щели круг. Соль зашипела. Из щели донёсся вопль, пол-

ный искреннего возмущения и безысходности.

— Это нечестно! Я сидел тихо! Я даже не кусался! За что вы так со мной?

— Ты дворецкого сожрал.

— Он сам упал! Я просто плеснул ему под ноги винца, и то потому, что надоел уже ходить тудаобратно.

Клим опустил флягу, брызнул в круг и подождал. Паскудник выкатился из щели, чихая и дёргаясь, и замер на полу, как ошпаренный таракан. Лак на когтях облупился. Он смотрел на Клима снизу вверх огромными влажными глазами, как будто пытался убедить, чтобы его отпустили.

— Господин падальщик, — прошептал он. — Отпустите. Я вам коечто расскажу. Но только по большому секрету.

— Вы, бесы, все так говорите. А потом лови по новой.

— Нетнет. Правда. Я знаю, где зарыто то, что вам надо. То, что пригодится вам. Это такое...

— Мне ничего не надо.

— Все ищут. Просто не все знают, что именно. — Паскудник хитро прищурился. — Загляните вон туда, за третью бочку слева. Там дверца. Её давно замуровали, но кирпичи давно сгнили.

Клим мог бы пропустить мимо ушей. Но Мокрица на плече вдруг затихла, а такое случалось с ней крайне редко. Это ему показалось странным.

— Шеф, — произнесла она едва слышно. — Не надо, пожалуйста.

— Ты такие слова красивые знаешь? Пожалуйста... Что не надо?

— Не надо туда ходить.

— Почему?

— Не знаю. Просто... не надо.

Клим поднял брови.

— Ты сама говорила, что бесы врут.

— Он, может, и врёт. Но оно не врёт.

— Кто «оно»?

Мокрица замолкла.

Клим убрал беса в банку, закрутил крышку, и Паскудник обиженно запыхтел внутри, шлёпая ладонями по стеклу. Клим пошёл к третьей бочке слева.

Кирпичи действительно были гнилые. Они рассыпались от одного касания, как печенье. За ними открылась небольшая ниша, шириной в локоть, не глубже. Внутри, привалившись к стене, сидел скелет. Старый, жёлтый, в остатках рясы. Он был обмотан цепью. Руки сложены на груди, словно кто-то хоронил его бережно, но в спешке.

У Клим промелькнула мысль «Интересно, как Хрякс не почувствовал? И не увидел двери...», и сам же ответил себе в голове «Куда ему было увидеть, эта свиноматка даже спуститься бы не смог».

Клим поднёс лампу ближе. На шее у скелета висела верёвка. На верёвке болтался камень.

Нет, не камень. Клим присмотрелся. Предмет был разме-

ром с грецкий орех, но не круглый, а удлинённый, как слеза. Тёмнозелёный, почти чёрный, с едва заметными прожилками. Он не отражал свет лампы, а жадно проглатывал.

— Что это? — спросил Клим.

— Не знаю, — быстро ответила Мокрица. Слишком быстро. — Убери руки.

— Я ещё не трогал.

— Вот и нехуй совать руки куда ни попадя.

Но Клим уже наклонился. Чтото странное творилось с воздухом. Он стал густым и тёплым, будто в погребке вдруг включили печь. Слеза на верёвке чуть дрогнула. Потом в её глубине, очень слабо, как далёкая искра в ночи, зажёгся огонёк. Тусклозеленоватый. Он мигнул и пошёл ярче. Огонёк привлекал Клим, как маяк. Клим смотрел на это мерцание, словно замороженный и не мог отвести глаз.

— Шеф, оно светится.

— Вижу.

— Оно на меня смотрит. У него нет глаз, а оно на меня смотрит!

— Не ори.

— Я не ору, я кричу шёпотом!

Банка в сумке задрожала. Паскудник, который только что молот чепуху, замолчал. Потом тонко, сдавленно заскулил.

— Положи на место, — прошептал он. — Положи, дурак ёбанный. Оно зовёт. Ты ещё не слышишь, а оно уже зовёт.

— Я слышу, как ты пиздишь, — сказал Клим.

— Положи!

Клим достал из кармана тряпку, обернул ею пальцы, аккуратно снял верёвку со скелета. Камень лёг в ладонь. Он был тёплым, как живой. Лёгким, как пустота. Огонёк внутри мигнул ещё раз и угас, но Клим чувствовал, что тот не исчез. Он просто притих. Ждал.

— Продать можно, — тихо сказал Клим. — Такое за хорошие деньги уйдёт.

— Шеф, — Мокрица говорила почти без звука. — Я тебя прошу. Брось. Не нужен он тебе. Выкинь его нахуй!

— Не брошу.

— Тогда хотя бы не показывай никому.

Клим сунул слезу во внутренний карман плаща, застегнул пуговицу, потом ещё одну. Положил на место кирпичи, чтобы не было видно причинённого ущерба. Вышел из погреба, глядя прямо перед собой.

Лаврентий в нише проводил его взглядом и ничего не сказал.

— Больно вы тут все неразговорчивые. А в голове полюбому хуйню про меня собираете, — сказал Клим.

Барон Хрякс ждал в холле, уже переодевшись к обеду. У богатых были свои причуды, но одежда под каждый прием пищи, Климу казалось уже через-чур. Лакей стоял за его спиной с серебряным подносом, на котором лежали вилка, нож и свежая салфетка. Хрякс взглянул на банку с Паскудником, потом на Клим, потом на мокрые от вина сапоги. При виде

капель вина он поменялся во взгляде. Лицо его покраснело, словно он сейчас лопнет.

— Поймали, значит.

— Поймал.

— Бочки?

— Две пострадали. Одна лопнула.

— Вы с ума сошли? Я говорил, мои бочки...

— Бес их портил до меня, — спокойно сказал Клим. — Я только закончил. Давайте рассчитаемся, и я пошёл.

— Двадцать две, как договаривались, — сказал Хрякс. — Минус стоимость бочки.

— Бочка не стоит двадцати двух монет.

— Стоит. А ещё вы мне вино испортили. Своим запахом. Двадцать. Минус пять за ковёр.

— Я по ковру не ходил.

— Ходили газеты. Это тоже ковёр. Пятнадцать.

Клим молча смотрел на барона. Тот отвечал ровным, сытым взглядом человека, который сегодня точно не умрёт. Как минимум не с голода, а вот холестериновые бляшки могли его подвести.

— Там в нише человек сидит, — сказал вдруг Клим.

— А, Лаврентий. Мой кредитор. То есть должник. — Хрякс небрежно махнул рукой. — Не обращайтесь внимания, это для вентиляции. Он дышит, воздух в погребке циркулирует.

— Он живой.

— Пока да.

— Сколько за него?

Хрякс хитро прищурился. Потом улыбнулся, сладко, как человек, нашедший новую монету в кармане старого пальто.

— Пятьдесят.

— Он должен сорок.

— Сорок за долг. Десять за хлопоты.

— У меня нет пятидесяти.

— Тогда и разговора нет.

Клим молчал. Мокрица за воротником тоже молчала. Где-то внизу, под домом, было слышно, как капает вино из лопнувшей бочки.

— Понятно, — сказал Клим.

— Вот и славно. — Хрякс пододвинул к нему маленький кошелёк. — Тринадцать. Я щедр.

Клим взял деньги, пересчитал, повернулся и вышел, не прощаясь. Лакей открыл дверь парадного входа, потому что хозяин махнул рукой, и в этом тоже было своё унижение.

На улице смеркалось. Мытная горка уже зажигала фонари, люди в тёплых шарфах торопились домой. Пахло дождём и гнилью. Клим шёл вниз, к рынку, засунув руки в карманы; во внутреннем кармане что-то слабо пульсировало, как маленькое сердце.

— Шеф, — осторожно сказала Мокрица. — Я не хотела тебя расстраивать, но солнце село.

— И что?

— Закат был полтора часа назад. Мы просрали свидание с дамой у Седьмого стока.

Клим остановился. Посмотрел на небо, серое, с красной полосой на западе.

— Ну и хуй с ней.

— Шеф, она платит чистыми деньгами, очень чистыми.

— Чистые деньги всегда подождут. Дерьмо ждёт хуже.

— Клим, — Мокрица понизила голос до шёпота. — Я сейчас скажу вещь. Ты не злись.

— Говори.

— Я знаю, что у тебя в кармане.

Клим не ответил. Он только достал самокрутку, с трудом подкурил ее и пошёл дальше. Банка с паскудником в сумке молчала, и от этой тишины почему-то становилось страшнее, чем от любых воплей.

А в кармане огонёк мигнул и тихо засветился снова.

Конец второй главы.

Глава 3. Бес с маникюром

Дом Клима стоял на Гнилом проезде, на самой окраине Костоброда, где мостовая кончалась, а начиналось то, что местные называли «землёй». Нищие спали на улицах, укрывшись старой ветошью, стены были разрисованы, а ветер гонял мусор по дорогам. На самом деле этот район был спрессован из отходов нескольких веков, поверх которых кто-то когда-то набросал булыжников и поставил дома., создавая видимость города. Это была привычная атмосфера для Клима. Он чувствовал себя в ней спокойно.

В месте где жил Клим раньше была скотобойня. Клим получил её в аренду за долги прежнего хозяина, и с тех пор так и не смог выветрить запах. Ни бесы, ни святая вода, ни полведра щёлока не помогали. Запах въелся в стены, потолок, самого Клима. Иногда ему казалось, что даже его сны пахнут свежей кровью и палёной щетиной.

Он поднялся по скрипучей лестнице в комнату над бывшим разделочным залом. Бросил плащ на крюк, на котором раньше висели туши животного. Достал из сумки банку с паскудником и поставил на стол, под лампу. Рядом положил слезу, завёрнутую в тряпку. Достал из под кровати бутылку пива и с довольным лицом открыл её. Бутылку пшикнула издавая приятный для Клима запах. Он отпил немного, словно это было жизненно важно для его здоровья, положил бутыл-

ку на стол и развернул камень.

Камень лежал тихо. Огонька не было. Но Клим чувствовал: стоит отвернуться, и он снова заморгает, словно с издёвкой.

— Клим, — сказала Мокрица. Она устроилась на спинке стула, подальше от стола. — Давай я пойду посплю. Допрос — дело неприятное. Я бы предпочла не слышать и не видеть это.

— Ты всегда слышишь, так что смысл тебе уходить?

— В этот раз я бы предпочла ничего не слышать. Да и зачем мне это.

— Сиди.

— Я так и знала, ёбанный стыд.

В углу комнаты что-то шевельнулось.

Клим не вздрогнул. Давно привык. Из тени у стены, где стоял сундук с барахлом, медленно разогнулась высокая сутулая фигура. Лицо у неё было серое, землистое, в глубоких складках, как разрытая могила, у которой забыли подровнять края. Одежда на нём была старая, чёрная и покрытая засохшей грязью, а от рук пахло сырой землёй. Руки были длинные с длинными пальцами и ногтями.

— Вернулся, — сказал Могильщик.

— Вернулся.

— Ну что принёс?

— Принёс.

— Много?

— Одного беса и одну хуйню.

Могильщик подошёл ближе и посмотрел на банку. Паскудник за стеклом перестал шлёпать ладонями по стеклу и отполз по мере возможного, подальше от Могильщика, забившись под собственный хвост.

— Мелкий, — сказал Могильщик. — Гнилой. Полезный. Применение найдём.

— Чем полезный?

— Дерево портит. Если его посадить в гроб, гроб сгниёт быстрее. Меньше возни.

— Ты всё в гроб суёшь?

— Это моя работа.

Он подумал, потом добавил так серьёзно, что невозможно было заподозрить шутку:

— У меня и мерки сняты. На всех. Включая тебя.

— Когда успел?

— Пока ты спал. Ты, кстати, удобный.

Мокрица громко хмыкнула. Клим открыл рот, чтобы что-то ответить, потом передумал и взял бутылку пива.

* * *

Он снял крышку с банки. Паскудник тут же завопил:

— Нельзя! Нельзя без разрешения! Там сквозняк!

— Заткнись.

— Я бес с правами! Я защищён!

— Ты защищён от глупости? Тогда у тебя ничего не получилось.

Клим достал флягу, окунул палец в разбавленную святую воду и капнул на край банки. Одна капля стекла по стеклу. Паскудник отпрыгнул так, будто его ужалили в зад.

— Ай! Ай-ай! Вы с ума сошли?! Нахуй прям в банку то?.

— Это была первая. Вторая будет на тебя.

— Что вы хотите, твари?

— Рассказывай про камень. Что он из себя представляет?

Паскудник забился. Лицо его, вытянутое и сморщенное, осунулось. Он покосился на слезу, лежащую на тряпке, и вздрогнул всем телом.

— Это не камень. Это слеза.

— Я заметил. Чья?

— Хозяйская.

— У тебя, значит, хозяин есть. А я думал, ты сам по себе.

— Мы все по себе, — прошептал паскудник. — Пока он спит.

Клим подождал.

— Кто он? — спросил Клим.

— Не говорите вслух, он услышит, он спит. Но уши у него не спят. Разбудите.

В комнате стало тише. Клим услышал, как где-то внизу, в загоне, чавкнул кто-то из бесов. Услышал, как за стеной капнула вода. Даже Мокрица притихла. Было много не понятного в этой тишине. Как будто все сговорились и просто издеваются над Климом.

— Говори, — сказал Клим.

Паскудник сглотнул.

— Вы знаете, откуда мы берёмся?

— Из отходов демонов.

— Это для школьников, хуйня для первого курса. — Бес облизнул губы тонким бледным языком. — Бывает и такое. Но есть мы. Самые низшие. Те, кого даже ваши экзорцисты не хотят ловить, потому что не по чину, мы пыль для них. Мы не от демонов, а от него.

— От кого?

— Он под нами, — сказал паскудник очень тихо. — Под вашим городом. Под этим вашим Костобродом. Вы думаете, почему здесь так воняет? Почему всё гниёт? Почему земля такая липкая? Потому что он там, внизу.

— Кто блять внизу? Ты прекращай нахуй загадками говорить, пока я на тебя не капнул.

— Мы, — просто ответил паскудник. — Мы его сны. Когда он видит во сне что-нибудь мерзкое, оно просачивается вверх. Из этого выходят такие, как я. Гниль. Плесень. Хуже плесени. Да хуже всего, что можно представить.

— То есть ты порождение чьего-то кошмара.

— Скорее, чьего-то похмелья.

Могильщик у стены издал странный сухой звук. Клим покосился на него, потом на Мокрицу, потом понял, что это был смех. Короткий, как скрип старой двери.

— Хорошо, но ты не сказал, кто он. Ладно, упустим этот вопрос. — сказал Клим. — А слеза-то при чём, блядь?

— Слеза — это его... — Паскудник замялся. — Нет, это не слеза. Это глаз.

— Ты сказал «слеза».

— Это фрагмент глаза — крохотный осколок, всё, что уцелело после того, как глаз истёк. Он был лишь одним из множества. В стародавние времена его извлекали те, кто приходил — то ли ангелы, то ли люди, мнившие себя ангелами. Не знаю точно. Уже тогда он гнил, и это вселяло страх. Боялись, что зараза охватит весь мир. Они пытались лишить его зрения, но не сумели. Обрывки, осколки разлетелись по миру. Гдето зарыты, гдето надёжно спрятаны. Но мы их ощущаем. Слышим их шёпот. Он нас манит, зовет.

— Ты слышишь?

— Все слышим. Это зов. — Паскудник вытянул руки в сторону глаза и мелко задрожал. — Будто кто-то тянет тебя за нитку. Знаете, как мотылёк на лампу? Вот так. Я пять лет сидел в погребе, потому что слеза была там. Я не мог уйти. Я пытался. Дважды. Оба раза возвращался.

— А хозяин вина этого не заметил.

— Хозяин вина думает только о вине.

Клим посмотрел на фрагмент глаза. Он лежал неподвижно, тёмный, гладкий, невинный, как камешек на дороге.

— А ты что можешь, если ты порождение сна? Кроме как плесень разводить?

— Могу испортить всё, что угодно.

— Я заметил. Даже хорошее впечатление.

— Но сейчас я могу только говорить. Больше ничего. Больше... — Паскудник вдруг задрожал сильнее. — Вы же его не открывали?

— Кого?

— Глаз. Не развязывали? Не смотрели в упор?

— Я на долбоеба похож? Зачем мне смотреть в него, в упор.

— И не надо. Никогда. Ни за какие деньги. Если посмотрите в него, он посмотрит в ответ. А если посмотрит, то узнает. А если узнает...

Он замолчал.

— Что?

— Проснётся, — одними губами сказал бес.

* * *

Больше паскудник не сказал ничего. Сколько Клим ни капал на банку, сколько ни грозил, бес только мотал головой и повторял: «Я ничего не знаю, я только слышу». К полуночи Клим понял, что больше из него не выжать, закрыл банку и отодвинул её на край стола.

— Спать, — сказал он. — Завтра разберёмся. Хуй с вами.

— С чем?

— С тем, что делать с этой хренью.

Могильщик вернулся в свой угол и начал что-то тихо ковырять ложкой в полу.

— Что ты там роешь? — спросил Клим.

— Потом пригодится. — ответил Могильщик и продол-

жил работать.

— Ладно, только давай потише.

Мокрица зевнула, сползла со спинки стула и юркнула под дверь.

— Я пойду, шеф, посмотрю, не бродит ли кто. Заодно и воздухом подышу.

— Иди.

Клим взял слезу, завернул, положил в жестяную коробку из-под тушенки, насыпал на дно могильной соли. Повертел в руках. Коробка была холодной. Он положил её под подушку, потом достал, положил в сундук, потом достал, поставил на подоконник. Потом плюнул и убрал под кровать.

— Хуй с тобой, — сказал он коробке. — Лежи там.

Лёг и, к собственному удивлению, заснул почти сразу.

* * *

Мокрица не ушла.

Она остановилась за дверью, чуть выше плинтуса, где в стене была старая щель от крысиного хода, и прижалась к ней ухом. Не ухом, конечно. У неё не было ушей. У неё были чувства, тонкие, старые, настроенные на всё, что шевелится в камне, воде и земле. Она слышала сердцебиение Могильщика. Слышала сонное дыхание Клима. Слышала, как внизу, в загоне, ворочаются бесы. Слышала абсолютно все.

И слышала паскудника.

Когда в комнате стало тихо, паскудник зашевелился. Встал, подполз к стеклу и зашептал, обращаясь к чему-то,

чего в комнате не было видно.

— Я же говорил, блядь... Я же предупреждал... Он зовёт. Слеза зовёт, а он взял. Дурак ёбаный. Если слеза зовёт, значит, и остальное услышит.

Пауза.

— Они придут. Чистые придут. У них нюх на свет. Они давно ищут. Годами. Они тоже слышат, только по-другому. Они слышат, как оно сияет, как оно бьется.

Пауза.

— Ну и пусть. Пусть приходят. Пусть заберут, хуй с ними. Нам-то что. Мы падаль, а падаль никому не нужна, пока она не светится.

Паскудник тихо захихикал. Хихиканье перешло в кашель.

— Если Око проснётся... Если Око вернётся к хозяину... Тогда всё. Тогда нам будет хорошо. Тогда нам будет так хорошо, что мы забудем, как нас звали. Заживем по достоинству.

Мокрица замерла.

Она знала это слово. Знала давно. Оно жило где-то в самых глубоких слоях её памяти, как старый шрам, который ноет к дождю. Око. Не слеза. Не крошка. Око.

Она хотела сказать Климу. Она даже сделала полшага к двери. Потом остановилась.

Она ведь знала Клима. Знала его кодекс, знала его привычки, знала, что он сделает, если услышит. Сначала выругается, потом спрячет коробку ещё глубже, потом всё рав-

но полезет проверять, потому что не может не лезть. Он не оставит, не выбросит, не сдаст Чистильщикам. Он продаст. И продаст тому, кто даст больше.

А Мокрица знала ещё одну вещь. В Костоброде никто не даёт больше, чем Чистильщики.

Она вернулась в щель. Села и сжала лапки на груди, как делала всегда, когда решала что-то нехорошее.

«Я же не предам, — сказала она сама себе. — Я просто запомню и все. Это не предательство, а спасение».

Это была ложь, и она это знала. Но ложь была уютная, тёплая, как старый плащ. И Мокрица закуталась в неё и затихла.

* * *

На рассвете над Костобродом загудели колокола.

Не к заутрене. К заутрене звонили иначе, лениво, вразнобой, как пьяные. Этот звон был ровный, чистый, холодный. Такой звон не зовёт, а предупреждает.

Клим открыл глаза. Уставился в потолок, потер глаза ладонью.

Из загона внизу донёсся тревожный визг. Потом ещё один. Потом поднялся целый хор, и бесы бились о прутья клеток, сбиваясь в кучу в дальних углах, словно сходили с ума. Они что то чувствовали. Что то не хорошее.

— Клим, — просунула голову под дверь Мокрица. Голос её был странно ровным. — Там белые повозки на въезде. Много. Шесть, может, семь.

Клим сел на кровати. Сунул руку под койку, что бы про-

верить, на месте ли банка. Банка была на месте.

— Чистильщики, — сказал он.

— Да, шеф.

— Кто-нибудь из них...

— Аврелий, — сказала Мокрица. — Сам. Лично.

Клим молча натянул сапоги.

Конец третьей главы.

Глава 4. Чистильщики

— Закопай, необходимо спрятать, что бы никто не нашел

— сказал Клим.

Могильщик взял жестяную банку двумя пальцами, как берут дохлую мышь за хвост, и покрутил в свете лампы, словно пытался разглядеть в ней что то.

— Куда я по твоему, должен ее спрятать?

— Куда-нибудь. Я не знаю. Ну зарой ее, что ли.

— Глубоко?

— Глубже, чем мои долги.

— Это недалеко, — заметил Могильщик. — Долги у тебя мелкие, не понимаю, что ты так переживаешь на счет них.

— Ну тогда глубже.

Могильщик кивнул головой, развернулся и ушёл в дальний угол загона. Клим слышал, как зашуршала земля, как что-то глухо стукнуло о камень. Потом всё стихло. Могильщик вернулся, вытирая руки о штаны.

— Готово.

— И куда?

— Тебе знать не надо. Если спросят, ты не в курсе.

— А если спросят тебя?

— Я скажу, что не в курсе. И закопаю спросившего.

Клим кивнул. Лучшего ответа он не ждал.

* * *

Площадь Рёбер называлась так потому, что стояла на рёбрах.

Не на костях вообще, а именно на рёбрах: огромных, белых, изогнутых арками, торчащих из земли на высоту трёхэтажного дома. Когда-то, в начале времён, на этом месте упал какой-то зверь. Огромный, как гора. Он гнил столетиями, и вокруг него вырос город. Теперь рёбра служили Костоброду и церковью, и рынком, и виселицей. Под ними торговали, молились и вешали, иногда в один день.

Сегодня под ними жгли.

Народу собралось столько, что яблоку негде упасть. Клим протиснулся в третий ряд, локтями расталкивая любопытных зевак, что бы прочистить себе дорогу. Пахло потом, перегаром, жареными орехами и свежим дымом. Торговцы пряниками уже всю крутились в толпе, потому что такое зрелище — это не смерть, это праздник. Столько народа, что кто-нибудь с радостью купит чтонибудь.

— Шеф, — прошептала Мокрица. Она сидела под воротом, и голос её звучал тонко. — Давай уйдём нахуй отсюда. Мне здесь не нравится.

— Мне тоже.

— Тогда на кой хуй мы пришли?

— Посмотреть.

— На что?

— На врага.

Посреди площади, под самой большой аркой, был сложен

помост из сухих поленьев. На нём стояли железные клетки. В клетках сидели бесы.

Клим насчитал пять. Один запечник, толстый и румяный, в форме маленького пекаря в колпаке. Один подпольный сквознячник, прозрачный, как грязная вода. Один шептун из чьей-то спальни. Двое мелких, безымянных. Все жались друг к другу и дрожали от страха.

У помоста стоял человек, прикованный к столбу. Тихон-пекарь. Клим знал его. Знал, что у него булочная на Пряничной улице, что он вдовец, что у него две дочери. Знал, что запечник живёт у него в печи лет двенадцать и следит, чтобы хлеб не подгорал и тесто не опало. Все в квартале это знали и все ели этот хлеб. Это был самый вкусный хлеб в городе.

— Хлеб-то хороший был, — вздохнула какая-то баба рядом с Климом.

— Был, — согласился какой-то мужик.

— Ну и всё равно, жалко.

— Конечно, жалко. Но не его, а себя, дура. Мы ж тоже жрали эту хрень.

Баба помолчала, потом перекрестилась и рассеянно зажевала орех.

* * *

Они появились разом, беззвучно. Словно не шагали, а парили по воздуху, что бы не издавать звуков от топота сапог.

Все в белом, от капюшонов до перчаток, шеренга за ше-

ренгой. Они шли по площади, не касаясь грязи, будто грязь сама расступалась перед ними. В руках у каждого было кадило на длинной цепи, из которого тонкой струйкой тянулся серебристый дым. Пахло ладаном, мятой и палёной сталью.

Впереди шёл седой человек.

Он был не высок, не широк в плечах, не красив. Лицо у него было узкое, сухое, как у монаха, который слишком давно не ел. Волосы белые, коротко стриженные. Белая ряса, белые перчатки, белые сапоги. Ни пылинки. Ни пятнышка. На площади, пропитанной грязью и копотью, он выглядел как ошибка.

— Аврелий, ёб твою мать, — выдохнула Мокрица.

— Вижу.

— Глава Коллегии. Сам Чистый.

— Я вижу, Мокрица.

Толпа притихла. Кто-то снял шапку, кто-то перекрестился, кто-то, наоборот, сплюнул и тут же получил по затылку от соседа.

Аврелий поднялся на помост, постоял, оглядел толпу, ровным взглядом, без злобы и без жалости, а с каким то сожалением, как будто не хотел тут быть. Когда он заговорил, голос у него был негромкий, но каждое слово долетало до последнего ряда.

— Граждане Костоброда. Я знаю, что вы меня не любите. Это нормально. Лекаря тоже не любят, когда он приходит с ножом.

Кто-то в толпе нервно хохотнул.

— Мы пришли не карать. Мы пришли лечить. Эта язва, — он повёл рукой над клетками, — не болезнь. Она симптом. Бесы не являются злом. Зло — их терпеть. Зло — делать вид, что они вас не касаются. Эти создания питаются вами. Вашим страхом, вашей жадностью, вашей ленью. Они делают вас слабее с каждым днём, и вы этого не замечаете, потому что привыкли.

Он повернулся к прикованному человеку.

— Тихон Мельник, пекарь. Вы двенадцать лет держали в печи нечистого. Скажите честно: вы знали, что это нечисть?

— Он хлеб... — захрипел Тихон. — Он только хлеб...

— Вы знали?

— Знал.

— Он что-то у вас брал?

— Крошки. Только крошки.

— И воспоминания. И счастье. И радость от работы. — Аврелий наклонил голову. — Вы давно перестали есть, когда месите тесто?

Тихон не ответил. По щекам у него текли слёзы, смешиваясь с копотью.

— Тот, кто кормит гниль, сам становится гнилью. Я не желаю вам зла, господин Мельник. Но я не могу позволить, чтобы вы заражали других.

Он поднял руку.

Один из белых подошёл к помосту с факелом. Огонь был

не рыжий, а белый, ослепительный, как раскалённая добела сталь. Факел коснулся поленьев, и пламя взвилось сразу, с гулом, поглотив клетки.

Бесы закричали.

Это был не визг. Это был тонкий, пронзительный звук, как будто кто-то проводил ножом по стеклу. Запечник метнулся к прутьям, протянул руки в сторону хозяина, и Клим увидел, как огонь схватил его за запястья, и они обуглились на глазах.

Тихон завыл.

— Шеф, — прошептала Мокрица. — Шеф, пойдём, пока нас на хуй не спалили.

Клим не двигался. Челюсти его сжались так, что заныли зубы.

— Это, блядь, не жрун, — сказал он вслух. — Это печной. Он никому не вредил.

— Шеф...

— Он нахуй хлеб пёк! Вы что вообще творите?

Он не заметил, как сказал это громче, чем следовало.

Толпа рядом отшатнулась, несколько голов повернулось и один взгляд, спокойный, ровный, холодный, остановился на нём с помоста.

Аврелий смотрел прямо на него.

* * *

— Господин Хрящ, — сказал он.

Клим молчал., опустив голову вниз.

— Это вы? Клим Хрящ? Бывший послушник школы святого Огнеборца?

— Нет такого, — сказал Клим.

— Я подписывал приговор об отчислении. Я помню каждое имя, которое подписывал. — Аврелий спустился с помоста, и толпа расступилась. Ни он, ни его одежда не коснулись ни одной грязной лужи. — Вы сдали беса в аренду. Вместо того чтобы уничтожить. Помнится, он приносил вам доход в двенадцать монет в месяц.

Клим поднял голову на Аврелия, не боясь посмотрел ему в глаза и поправил:

— Четырнадцать, — сказал Клим.

— Простите?

— Четырнадцать. Вы ошиблись. Бухгалтерию надо проверять.

Один из Чистильщиков, молодой, с бледным лицом, шагнул вперёд. Аврелий поднял руку, и тот замер.

— Вы пришли сюда посмотреть, как мы выполняем свою работу. Или пришли что-то сказать?

— Мне нечего сказать.

— Тогда зачем вы закричали?

— Я не кричал. Я... — Клим осёкся. — Я громко подумал.

— О чём?

— О хлебе.

Кто-то в толпе тихо фыркнул. Аврелий не улыбнулся. Он смотрел на Клима внимательно, как врач смотрит на стран-

ное пятно на коже: не с отвращением, а с любопытством.

— Скажите мне, господин Хрящ. Вы падальщик. Вы ловите бесов и продаёте их. Не изгоняете, а продаёте. Вы содержите их, кормите, возите по городу. Вы, по сути, то же самое, что и господин Мельник. Только более профессионально.

— Я не держу их у себя в печи.

— Нет. В загоне.

Клим не ответил. Пальцы сами сжались в кулак.

— Я не стану вас арестовывать, — продолжил Аврелий.

— Не сегодня. Сегодня вы просто зритель. Но я запомню ваше лицо. И запишу ваше имя. И когда придёт время, и оно придёт скоро, я приду к вам сам.

— Приходите, — сказал Клим. — Только вытрите ноги, у нас пол в говне.

— Я не пачкаюсь, господин Хрящ.

— Зря.

— Что?

— Говорю, зря. Чистый человек и мертвец отличаются только тем, что у мертвеца уже ничего не болит.

На секунду на площади стало так тихо, что слышно было, как потрескивает огонь. Белые Чистильщики напряглись. Молодой снова шагнул вперёд, и рука его легла на рукоять пистолета, но Аврелий снова остановил его.

— Любопытно, — сказал он. — Вы грубы, но не глупы. Это редкое сочетание. — Он помолчал. — В этом городе горит свет. Я чувствую его третий день. Яркий. Грязный. Та-

кой свет не могут нести ни святые, ни демоны. Только одно существо на всём свете. Вы случайно не знаете, откуда он?

— Не знаю.

— Конечно. — Аврелий чуть заметно склонил голову. — Мы найдём. Будьте уверены.

Он повернулся и пошёл обратно. Огонь на помосте ревел, и в нём чернели силуэты клеток. Тихон уже не кричал. Он повис на цепях, и голова его болталась на груди.

— Шеф, — Мокрица едва шептала. — Шеф, он, блядь, знает.

— Нехуя он не знает.

— Он чувствует слезу. Он знает, что она в городе.

— Но не знает где.

— Пока.

* * *

Клим выбрался из толпы, зашёл в первую же подворотню и вытащил из кармана фляжку с самогоном. Хлебнул, поморщился, хлебнул ещё. В горле жгло. В голове звенело.

— Хрящ.

Он обернулся.

Она стояла в трёх шагах, в тени арки. Невысокая, жилистая, в светлой рясе с подвёрнутыми рукавами. Светлые волосы собраны в хвост, кончики сожжены, как у человека, который слишком часто подходит к огню. На поясе висело кадило, а рядом, под полой, кобура с пистолетом.

— Мара, — сказал Клим.

— Что это было?

— Что?

— Там. Перед Аврелием. Ты что, хотел, чтобы тебя повесили?

— Я хотел посмотреть.

— Ты хотел вмешаться.

— Я громко подумал.

— Ты матерился на всю площадь.

Мара шагнула ближе. Глаза у неё были серые, усталые, с красными прожилками. Клим понял, что она не спала, наверное, неделю.

— Ты ёбаный идиот, — сказала она. — Он тебя запомнил. Теперь ты у него в списке. Понимаешь, что это значит?

— Что у меня появится много новых друзей?

— Что тебя убьют.

— Не меня, так кого-нибудь рядом. — Клим убрал флягу.

— Ты там была. Видела.

— Видела.

— Это был печной бес. Он не жрал. Он пёк хлеб.

— Это бес. Он питался хозяином.

— Он питался крошками.

— Он питался радостью. Мы это проверяли.

— Кто «мы»?

Мара не ответила. Только губы её сжались в тонкую линию.

— Ты тоже думаешь, что Тихон должен был гореть, —

тихо сказал Клим.

— Я думаю, что бесов нужно уничтожать. Всех. До последнего. — В голосе её не было уверенности. Была только привычка. — Потому что если не уничтожить, они возьмут своё. Это правило.

— Чьё правило?

— Моё.

— Хорошее правило. Особенно когда сторают пекари.

Мара вспыхнула. Подалась вперёд, сжала кулаки.

— Не смей, — прошипела она. — Не смей меня учить. Ты мразь, Хрящ, ёб твою мать! Ты продаёшь бесов как мясо! Ты кормишь их людьми! Ты хуже каждого из них, сука!

— Тридцать монет, — сказал Клим.

— Что?

— Ты мне должна тридцать. С прошлого года. Помнишь? Когда тебя тащили из подвала в Шорной слободе?

Мара замолчала.

— Я не прошу сегодня, — добавил Клим. — Просто напоминаю. Для бухгалтерии.

Она долго смотрела на него. Потом опустила руки, и в лице её что-то дрогнуло, усталое и злое.

— Отдам, — тихо сказала она. — Когда мне не будет стыдно.

— Это когда?

— Не знаю.

— Тогда не отдашь никогда.

— Возможно.

Она отвернулась и пошла прочь, держа спину прямо, как человек, которого только что ударили, но он не собирается показывать.

— Шеф, — осторожно сказала Мокрица. — Она хорошая.

— Знаю.

— Она нам пригодится.

— Знаю, — повторил Клим. — Поэтому и напомнил про долг.

* * *

К вечеру они вернулись на Гнилой проезд. Клим молча шёл по улице, засунув руки в карманы. Мокрица молчала тоже. Впервые за много лет ей нечего было сказать, и это тревожило сильнее любой болтовни.

У ворот скотобойни Клим остановился.

На створке, на уровне глаз, мелом был нарисован белый крест. Свежий. Ровный. Аккуратный, как будто его чертили по линейке. Мел ещё не высох и тонкой пылью осыпался на землю.

Клим провёл по нему пальцем. Мел остался на подушечке, белый, чистый, абсурдно чуждый на фоне грязной перчатки.

— Шеф, — прошептала Мокрица. — Это метка.

— Вижу.

— Нас, блядь, поместили, как скот.

— Вижу, Мокрица.

— Это значит, что за нами придут.

— Не сегодня.

— А когда?

Клим посмотрел на небо. Над Костобродом сгущались сумерки, красные, как свежая рана.

— Когда я перестану быть интересным, — сказал он. — Или когда стану слишком интересным. Что хуже.

Он толкнул ворота и вошёл во двор. За спиной, в темноте, едва слышно треснула спичка.

Кто-то уже ждал.

Конец четвертой главы.

Глава 5. Контракт на говно

Во дворе скотобойни горела одинокая спичка.

Она догорала в чьих-то пальцах, и свет её выхватывал из темноты куски обстановки. Ржавые крюки, перевёрнутое крыто, колоду, на которой когда-то рубили свиные головы. На колоде сидела женщина.

Сидела ровно, словно вместо позвоночника внутри был прямой штырь, который не давал ей свободы. Нога была закинута на ногу, как в театральной ложе. Платье на ней было тёмно-фиолетовое, почти чёрное, закрытое до подбородка. Рукава длинные. Перчатки тонкие, из чёрного шёлка. Лицо скрывала густая вуаль, и сквозь неё виднелся только бледный контур, как у картины, которую забыли дорисовать.

Рядом, в двух шагах, стоял тип в белом плаще. Тот самый, из «Щели». Он держался так, чтобы ни одной частью одежды не касаться стен, ворот, бочек и вообще всего, что было во дворе.

Спичка погасла.

— Добрый вечер, господин Хрящ, — сказала женщина.

Голос у неё был низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой. Такой голос подошёл бы оперной певице, которая давно бросила сцену и теперь разговаривает только с теми, кто не может ответить.

— Если вы, сука, пришли за долгом, — сказал Клим, —

то я его уже отдал.

— Я пришла не за долгом.

— Тогда на хер вы лезете в мой двор?

— Потому что вы не пришли на встречу.

— Шеф, — прошептала Мокрица, — не злись. Она платит чистыми.

— Я не злюсь. Я просто охуел.

* * *

В темноте шевельнулась тень, отбрасываемая на стену. Могильщик, которого Клим даже не заметил, медленно вышел на свет, словно выплыл из тьмы, с которой сливался. Постоял. Посмотрел на женщину. Потом на её белого спутника. Потом на колоду, на которой она сидела. Обстановка его ничуть не смущала.

— Это моё место, — сказал он.

— Простите?

— Колода. Я на ней сижу по вечерам.

Женщина чуть склонила голову. Вуаль качнулась.

— Вы очень старый, — сказала она. — Старше, чем кажется.

— Старше тебя, — согласился Могильщик.

— Старше всех нас, я думаю. — Она не удивилась. Только повернула голову к Климу. — Вы держите при себе интересных людей. И не людей.

— Дама. Вы собирались что-то предложить. Предлагайте, пока я не вспомнил, что вы вломились в частное владение.

— Предложение простое. Вы идёте в Седьмой сток. Это канализационный коллектор, который тянется под кварталом Мытной горки и уходит ниже, чем положено канализации. Там, за третьим шлюзом, есть дверь. За дверью лежит предмет. Вы достаёте предмет и приносите мне.

— И всё?

— И всё.

— Сколько?

— Двести пятьдесят монет.

Клим моргнул.

В тишине двора стало слышно, как далеко-далеко, на Мытной горке, часы пробили полдесятого. Мокрица в воротнике перестала дышать.

— Сколько? — переспросил Клим.

— Двести пятьдесят. Пятьдесят вперёд. Остальное по получении.

— За что?

— За то, что я сказала.

— За то, чтобы достать предмет из дерьма?

— Именно.

— Дама. Простите. Но я вас не знаю. Вы мне не друг. Вы не бог. Вы приходите во двор, где меня ждут Чистильщики с белыми крестами на воротах, и предлагаете мне двести пятьдесят монет за поход в канализацию. Что в этой канализации?

— Предмет.

— Какой?

— Это вам знать не нужно.

— Шеф, — пискнула Мокрица так тонко, что услышал только он. — Шеф, это слишком хорошо. Так не бывает. Когда так хорошо, это значит, что тебя уже съели, просто ты ещё не заметил.

— Я слышу, — сказал Клим вслух, не отрывая глаз от дамы.

— Простите?

— Это я не вам.

* * *

Женщина достала из рукава небольшой кожаный кошелёк и положила на колоду рядом с собой. Затем из другого рукава достала второй, потолще, и положила рядом.

— Это пятьдесят. Это остальные двести. Я оставлю второй у господина, — она кивнула на Могильщика, — на хранение. Вы получите его, когда принесёте предмет.

— Он ничего не хранит. Он всё закапывает.

— Тогда пусть закопает. Рядом с вашей коробкой.

Клим застыл.

— Какой коробкой?

— Той, что в загоне.

— Откуда вы...

— Я не знаю, что в ней. — Голос женщины остался ровным, чуть уставшим. — Я знаю только, что есть такие вещи, которые люди закапывают, когда боятся. Я ошиблась?

Клим застыл.

— Не волнуйтесь, господин Хрящ, — мягко сказала она.
— Мне не интересна ваша коробка. Мне интересна другая вещь. Та, что внизу.

— Почему я?

— Потому что вы нужны мне, а не кто-нибудь другой.

— Таких, как я, в Костоброде сотни.

— Таких, как вы, нет ни одного.

— Это комплимент?

— Это констатация. — Вуаль чуть дрогнула. — Мне нужен человек, которому плевать.

— Мне не плевать на деньги.

— Именно. Вам на деньги. Не на власть. Не на силу. Не на славу. Вы хотите уехать отсюда и купить дом в нормальном городе, где по утрам пахнет хлебом. Вы говорили об этом хозяйке «Сладкой щели», когда напились три недели назад. Она мне рассказала.

Мокрица в воротнике издала тихий возмущённый писк.

— Пышка, сука, — процедил Клим. — Я ей за это заплачу.

— Она взяла с меня пять монет. Это, наверное, меньше, чем вы собирались заплатить.

— Вы всё знаете.

— Нет. Я только слушаю. — Она сложила руки на коленях. — А теперь скажу ещё одно. Вас пометили. Белый крест на воротах. Они придут. Вопрос не в том, придут ли. Вопрос

в том, что вы получите, прежде чем они придут.

Клим достал самокрутку. Чиркнул. Дым пошёл вверх, густой, сладкий. Могильщик, не меняясь в лице, отошёл на шаг назад.

— Условия, — сказал Клим.

* * *

— Первое, — начала женщина. — Вы берёте предмет в закрытую тару. Желательно в металлическую. Лучше всего подойдёт ваша фляга.

— Фляга? Там святая вода.

— Вылейте.

— Это двенадцать монет вылить.

— Тогда купите новую. Предмет должен быть изолирован. Это важно.

— Второе.

— Вы не открываете тару. Ни при каких обстоятельствах. Что бы вы ни слышали. Что бы ни увидели.

— Третье.

— Вы не смотрите на предмет. Ни на сам предмет, ни на то, что может быть в нём. Вы не прикасаетесь к нему голой кожей. Вы не разговариваете с ним, даже если он станет с вами разговаривать.

— Он разговаривает?

— Иногда.

— Шеф, — выдавила Мокрица. — Шеф, давай откажемся. Я прошу. Это уже не смешно.

— Четвёртое, — продолжила женщина, — вы не рассказываете об этом никому. Включая Чистильщиков. Включая тех, кто может спросить из любопытства.

— То есть не болтать.

— То есть молчать до гроба. Ваш собственный. Не чужой.

— Что-то ещё?

— Да. Пятое. — Она впервые замялась. — Если почувствуете, что вам хочется оставить предмет себе, бросьте его и бегите.

— А деньги?

— Деньги будут. Но я не уверена, что они вам понадобятся.

— Это шутка?

— Нет.

Клим посмотрел на неё. Потом на белого типа. Потом на Могильщика, который молча кивнул, будто подтверждая что-то своё. Потом на небо. На нём не было ни звёзд, ни луны. Только серая мгла, как плохо сваренная каша.

— А если я не вернусь?

— Тогда я вычеркну вас из расходов.

— Утешает.

— Это не должно вас утешать. — В голосе её появилась усталость. — Это должно вас предупредить.

* * *

Они ушли тихо. Женщина поднялась с колоды, аккуратно, придерживая юбку, и пошла к воротам, не оглядываясь.

Белый спутник двинулся следом. Ни один из них не оставил следов в грязи. Это почему-то больше всего раздражало Клина.

У ворот она остановилась.

— Господин Хрящ.

— Что?

— Не забудьте про воду. Вылейте. Иначе фляга не примет.

— Не примет что?

Она не сочла нужным отвечать. Просто прошла сквозь ворота, где белел мелом крест, и растворилась в сумерках.

Клим долго стоял на месте. Дым догорал, обжигая пальцы. Он выбросил окурок, наступил сапогом и повернулся к Могильщику.

— Забери деньги.

Могильщик подошёл к колоде, осторожно взял оба кошелька и взвесил на ладони.

— Тяжёлые, — сказал он.

— Закопай один. Второй оставь мне.

— Какой?

— Меньший.

— Это пятьдесят.

— Знаю. На флягу, на соль, на расходы. Если вернусь, достанешь второй. Если нет...

— Если нет, я его тоже закопаю, — сказал Могильщик.

— Вместе с тобой.

— Это было смешно?

— Не знаю. Я не понимаю, когда смешно.

— Вот и я не понимаю, — вздохнул Клим.

* * *

Мокрица молчала до самой комнаты.

Клим поднялся по скрипучей лестнице, скинул плащ, сел на кровать и принялся разбирать свои запасы: соль в мешочке, склянки, бинты, две запасные фляги, отвёртка, нож, кусок верёвки. Мокрица сидела на подоконнике и смотрела не на него, а в окно.

— Говори, — сказал Клим.

— Чего?

— Что хотела. Ты же сейчас лопнешь.

— Шеф, — Мокрица обернулась. — Я не хочу, чтобы ты шёл.

— Знаю.

— Это не просто вещь.

— Знаю.

— Откуда знаешь?

— Потому что за двести пятьдесят монет не просят достать вещь. За двести пятьдесят просят достать то, после чего тебя придётся закапывать.

— Тогда зачем?

— Затем, Мокрица, что двести пятьдесят монет это дом в Мирноводске. С окнами. С нормальной крышей. С печкой, в которой горят дрова, а не что-нибудь покрепче. Затем, что в Мирноводске по утрам пахнет хлебом. Не твоим носком.

Хлебом.

— Мой носок тоже не плох.

— Был бы хорош, если бы не воняло.

— Шеф. — Голос Мокрицы стал глухим. — Я тебя серьёзно прошу. Не ходи.

— Почему?

Она замолчала. Лапки её судорожно сжались на подоконнике. Клим видел, что она борется с чем-то внутри, что-то тянет её сказать, а что-то держит за горло. Он видел это и не понимал.

— Потому что... — наконец выдавила она. — Потому что я чувю. Там внизу что-то есть. Старое. Старше меня. Старше Могильщика.

— Это я слышал.

— Нет, ты не понял. Это не просто старое. Оно... — Она осеклась. — Оно живое. Оно смотрит.

— Откуда ты знаешь?

— Я бес. Я чувствую такие вещи.

— Ты и про слезу чувствовала.

Мокрица втянула голову в плечи.

— Чувствовала, — сказала она тихо.

— И что?

— Ничего.

Клим долго смотрел на неё. Потом отвернулся и принялся убирать вещи обратно в сумку. Руки двигались быстро, привычно, отработанно.

— Я иду, — сказал он. — Не потому что я смелый. Не потому что мне нужны деньги, хотя нужны. А потому что если я не пойду, придут Чистильщики, а они меня съедят без соли. А если пойду, то хоть буду знать, чем меня собираются кормить.

— Шеф...

— Всё, Мокрица. Спать.

Он погасил лампу. В темноте было слышно, как внизу, в загоне, ворочаются бесы. Как скрипит под ногами Могильщика земляной пол. Как ветер гоняет по двору обрывок ткани, зацепившийся за крюк. Словно устраивая с ним перепалку.

И как Мокрица, лежа на подоконнике, шепчет что-то себе под нос, одно и то же слово, снова и снова. Клим не разобрал, какое, и решил, что она молится. Бесы иногда молятся, когда им страшно, хотя сами не знают кому.

* * *

Седьмой сток не любил, когда в него входили.

Но и не мешал. Он просто ждал, как желудок ждёт еды: терпеливо, без злобы, зная наверняка, что рано или поздно всё равно получит своё.

Конец пятой главы.

Во дворе скотобойни горела одинокая спичка.

Она догорала в чьих-то пальцах, и свет её выхватывал из темноты куски обстановки. Ржавые крюки, перевёрнутое ко-

рыто, колоду, на которой когда-то рубили свиные головы. На колоде сидела женщина.

Сидела ровно, словно вместо позвоночника внутри был прямой штырь, который не давал ей свободы. Нога была закинута на ногу, как в театральной ложе. Платье на ней было тёмно-фиолетовое, почти чёрное, закрытое до подбородка. Рукава длинные. Перчатки тонкие, из чёрного шёлка. Лицо скрывала густая вуаль, и сквозь неё виднелся только бледный контур, как у картины, которую забыли дорисовать.

Рядом, в двух шагах, стоял тип в белом плаще. Тот самый, из «Щели». Он держался так, чтобы ни одной частью одежды не касаться стен, ворот, бочек и вообще всего, что было во дворе.

Спичка погасла.

— Добрый вечер, господин Хрящ, — сказала женщина.

Голос у неё был низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой. Такой голос подошёл бы оперной певице, которая давно бросила сцену и теперь разговаривает только с теми, кто не может ответить.

— Если вы, сука, пришли за долгом, — сказал Клим, — то я его уже отдал.

— Я пришла не за долгом.

— Тогда на хер вы лезете в мой двор?

— Потому что вы не пришли на встречу.

— Шеф, — прошептала Мокрица, — не злись. Она платит чистыми.

— Я не злюсь. Я просто охуел.

* * *

В темноте шевельнулась тень, отбрасываемая на стену. Могильщик, которого Клим даже не заметил, медленно вышел на свет, словно выплыл из тьмы, с которой сливался. Постоял. Посмотрел на женщину. Потом на её белого спутника. Потом на колоду, на которой она сидела. Обстановка его ничуть не смущала.

— Это моё место, — сказал он.

— Простите?

— Колода. Я на ней сижу по вечерам.

Женщина чуть склонила голову. Вуаль качнулась.

— Вы очень старый, — сказала она. — Старше, чем кажется.

— Старше тебя, — согласился Могильщик.

— Старше всех нас, я думаю. — Она не удивилась. Только повернула голову к Климу. — Вы держите при себе интересных людей. И не людей.

— Дама. Вы собирались что-то предложить. Предлагайте, пока я не вспомнил, что вы вломились в частное владение.

— Предложение простое. Вы идёте в Седьмой сток. Это канализационный коллектор, который тянется под кварталом Мытной горки и уходит ниже, чем положено канализации. Там, за третьим шлюзом, есть дверь. За дверью лежит предмет. Вы достаёте предмет и приносите мне.

— И всё?

— И всё.

— Сколько?

— Двести пятьдесят монет.

Клим моргнул.

В тишине двора стало слышно, как далеко-далеко, на Мытной горке, часы пробили полдесятого. Мокрица в воротнике перестала дышать.

— Сколько? — переспросил Клим.

— Двести пятьдесят. Пятьдесят вперёд. Остальное по получении.

— За что?

— За то, что я сказала.

— За то, чтобы достать предмет из дерьма?

— Именно.

— Дама. Простите. Но я вас не знаю. Вы мне не друг. Вы не бог. Вы приходите во двор, где меня ждут Чистильщики с белыми крестами на воротах, и предлагаете мне двести пятьдесят монет за поход в канализацию. Что в этой канализации?

— Предмет.

— Какой?

— Это вам знать не нужно.

— Шеф, — пискнула Мокрица так тонко, что услышал только он. — Шеф, это слишком хорошо. Так не бывает. Когда так хорошо, это значит, что тебя уже съели, просто ты ещё не заметил.

— Я слышу, — сказал Клим вслух, не отрывая глаз от дамы.

— Простите?

— Это я не вам.

* * *

Женщина достала из рукава небольшой кожаный кошелёк и положила на колоду рядом с собой. Затем из другого рукава достала второй, потолще, и положила рядом.

— Это пятьдесят. Это остальные двести. Я оставлю второй у господина, — она кивнула на Могильщика, — на хранение. Вы получите его, когда принесёте предмет.

— Он ничего не хранит. Он всё закапывает.

— Тогда пусть закопает. Рядом с вашей коробкой.

Клим застыл.

— Какой коробкой?

— Той, что в загоне.

— Откуда вы...

— Я не знаю, что в ней. — Голос женщины остался ровным, чуть уставшим. — Я знаю только, что есть такие вещи, которые люди закапывают, когда боятся. Я ошиблась?

Клим застыл.

— Не волнуйтесь, господин Хрящ, — мягко сказала она. — Мне не интересна ваша коробка. Мне интересна другая вещь. Та, что внизу.

— Почему я?

— Потому что вы нужны мне, а не кто-нибудь другой.

— Таких, как я, в Костоброде сотни.

— Таких, как вы, нет ни одного.

— Это комплимент?

— Это констатация. — Вуаль чуть дрогнула. — Мне нужен человек, которому плевать.

— Мне не плевать на деньги.

— Именно. Вам на деньги. Не на власть. Не на силу. Не на славу. Вы хотите уехать отсюда и купить дом в нормальном городе, где по утрам пахнет хлебом. Вы говорили об этом хозяйке «Сладкой щели», когда напились три недели назад. Она мне рассказала.

Мокрица в воротнике издала тихий возмущённый писк.

— Пышка, сука, — процедил Клим. — Я ей за это заплачу.

— Она взяла с меня пять монет. Это, наверное, меньше, чем вы собирались заплатить.

— Вы всё знаете.

— Нет. Я только слушаю. — Она сложила руки на коленях. — А теперь скажу ещё одно. Вас поместили. Белый крест на воротах. Они придут. Вопрос не в том, придут ли. Вопрос в том, что вы получите, прежде чем они придут.

Клим достал самокрутку. Чиркнул. Дым пошёл вверх, густой, сладкий. Могильщик, не меняясь в лице, отошёл на шаг назад.

— Условия, — сказал Клим.

* * *

— Первое, — начала женщина. — Вы берёте предмет в закрытую тару. Желательно в металлическую. Лучше всего подойдёт ваша фляга.

— Фляга? Там святая вода.

— Вылейте.

— Это двенадцать монет вылить.

— Тогда купите новую. Предмет должен быть изолирован. Это важно.

— Второе.

— Вы не открываете тару. Ни при каких обстоятельствах. Что бы вы ни слышали. Что бы ни увидели.

— Третье.

— Вы не смотрите на предмет. Ни на сам предмет, ни на то, что может быть в нём. Вы не прикасаетесь к нему голой кожей. Вы не разговариваете с ним, даже если он станет с вами разговаривать.

— Он разговаривает?

— Иногда.

— Шеф, — выдавила Мокрица. — Шеф, давай откажемся. Я прошу. Это уже не смешно.

— Четвёртое, — продолжила женщина, — вы не рассказываете об этом никому. Включая Чистильщиков. Включая тех, кто может спросить из любопытства.

— То есть не болтать.

— То есть молчать до гроба. Ваш собственный. Не чужой.

— Что-то ещё?

— Да. Пятое. — Она впервые замялась. — Если почувствуете, что вам хочется оставить предмет себе, бросьте его и бегите.

— А деньги?

— Деньги будут. Но я не уверена, что они вам понадобятся.

— Это шутка?

— Нет.

Клим посмотрел на неё. Потом на белого типа. Потом на Могильщика, который молча кивнул, будто подтверждая что-то своё. Потом на небо. На нём не было ни звёзд, ни луны. Только серая мгла, как плохо сваренная каша.

— А если я не вернусь?

— Тогда я вычеркну вас из расходов.

— Утешает.

— Это не должно вас утешать. — В голосе её появилась усталость. — Это должно вас предупредить.

* * *

Они ушли тихо. Женщина поднялась с колоды, аккуратно, придерживая юбку, и пошла к воротам, не оглядываясь. Белый спутник двинулся следом. Ни один из них не оставил следов в грязи. Это почему-то больше всего раздражало Клима.

У ворот она остановилась.

— Господин Хрящ.

— Что?

— Не забудьте про воду. Вылейте. Иначе фляга не примет.

— Не примет что?

Она не сочла нужным отвечать. Просто прошла сквозь ворота, где белел мелом крест, и растворилась в сумерках.

Клим долго стоял на месте. Дым догорал, обжигая пальцы. Он выбросил окурок, наступил сапогом и повернулся к Могильщику.

— Забери деньги.

Могильщик подошёл к колоде, осторожно взял оба кошелька и взвесил на ладони.

— Тяжёлые, — сказал он.

— Закопай один. Второй оставь мне.

— Какой?

— Меньший.

— Это пятьдесят.

— Знаю. На флягу, на соль, на расходы. Если вернусь, достанешь второй. Если нет...

— Если нет, я его тоже закопаю, — сказал Могильщик.

— Вместе с тобой.

— Это было смешно?

— Не знаю. Я не понимаю, когда смешно.

— Вот и я не понимаю, — вздохнул Клим.

* * *

Мокрица молчала до самой комнаты.

Клим поднялся по скрипучей лестнице, скинул плащ, сел на кровать и принялся разбирать свои запасы: соль в мешоч-

ке, склянки, бинты, две запасные фляги, отвёртка, нож, кусок верёвки. Мокрица сидела на подоконнике и смотрела не на него, а в окно.

— Говори, — сказал Клим.

— Чего?

— Что хотела. Ты же сейчас лопнешь.

— Шеф, — Мокрица обернулась. — Я не хочу, чтобы ты шёл.

— Знаю.

— Это не просто вещь.

— Знаю.

— Откуда знаешь?

— Потому что за двести пятьдесят монет не просят достать вещь. За двести пятьдесят просят достать то, после чего тебя придётся закапывать.

— Тогда зачем?

— Затем, Мокрица, что двести пятьдесят монет это дом в Мирноводске. С окнами. С нормальной крышей. С печкой, в которой горят дрова, а не что-нибудь покрепче. Затем, что в Мирноводске по утрам пахнет хлебом. Не твоим носком. Хлебом.

— Мой носок тоже не плох.

— Был бы хорош, если бы не воняло.

— Шеф. — Голос Мокрицы стал глухим. — Я тебя серьёзно прошу. Не ходи.

— Почему?

Она замолчала. Лапки её судорожно сжались на подоконнике. Клим видел, что она борется с чем-то внутри, что-то тянет её сказать, а что-то держит за горло. Он видел это и не понимал.

— Потому что... — наконец выдавила она. — Потому что я чувю. Там внизу что-то есть. Старое. Старше меня. Старше Могильщика.

— Это я слышал.

— Нет, ты не понял. Это не просто старое. Оно... — Она осеклась. — Оно живое. Оно смотрит.

— Откуда ты знаешь?

— Я бес. Я чувствую такие вещи.

— Ты и про слезу чувствовала.

Мокрица втянула голову в плечи.

— Чувствовала, — сказала она тихо.

— И что?

— Ничего.

Клим долго смотрел на неё. Потом отвернулся и принялся убирать вещи обратно в сумку. Руки двигались быстро, привычно, отработанно.

— Я иду, — сказал он. — Не потому что я смелый. Не потому что мне нужны деньги, хотя нужны. А потому что если я не пойду, придут Чистильщики, а они меня съедят без соли. А если пойду, то хоть буду знать, чем меня собираются кормить.

— Шеф...

— Всё, Мокрица. Спать.

Он погасил лампу. В темноте было слышно, как внизу, в загоне, ворочаются бесы. Как скрипит под ногами Могильщика земляной пол. Как ветер гоняет по двору обрывок ткани, зацепившийся за крюк. Словно устраивая с ним перепалку.

И как Мокрица, лежа на подоконнике, шепчет что-то себе под нос, одно и то же слово, снова и снова. Клим не разобрал, какое, и решил, что она молится. Бесы иногда молятся, когда им страшно, хотя сами не знают кому.

* * *

Седьмой сток не любил, когда в него входили.

Но и не мешал. Он просто ждал, как желудок ждёт еды: терпеливо, без злобы, зная наверняка, что рано или поздно всё равно получит своё.

Конец пятой главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.